

УДК 811.111'1

**РОЛЬ МЕЖДОМЕТИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ
(на материале английских художественных произведений)**

Е. А. Мещерякова

**THE ROLE OF INTERJECTIONS IN THE REALIZATION OF THE CATEGORY OF PERSONALITY
(on the basis of English fiction texts)**

E. A. Meshcheryakova

Цель данной статьи – показать использование антропоцентрического подхода и важность категории личности в изучении междометий в английских художественных произведениях. Употребляя междометия, авторы передают чувства их персонажей, личное отношение к реальной и ирреальной действительности. Междометия, как единицы, выражающие категорию личности, отражают суть антропоцентрической лингвистики как изучение «человека в языке».

The purpose of this paper is to show the relevance of the anthropocentric approach and the importance of the category of personality in studying interjections in English fiction. By using interjections, the authors show us their characters' feelings and personal attitude to the reality. Interjections as the means of realization of the category of personality reflect the essence of anthropocentric linguistics as the study of «the person in language».

Ключевые слова: междометия, антропоцентрический подход, категория, модальность, категория личности.

Keywords: interjections, anthropocentric approach, category, modality, the category of personality.

История лингвистики есть фактически история изучения языка человека, и лишь во 2-й половине XX века появилась активная тенденция изучать человека в языке. В последнее время внимание лингвистов всё больше привлекает субъективный момент в языке. В этой области известны работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, Р. А. Будагова, Б. А. Серебренникова, Д. А. Штелинга, Ю. С. Степанова, Г. А. Золотовой, Э. Бенвениста и др. Этой проблеме посвящены специальные сборники [2; 12] и др. З. К. Ахметжанова, один из авторов последнего сборника, пишет: «...лингвистика переживает переходный период, когда на первый план выходит когнитивная лингвистика, актуальность приобретают исследования, посвящённые человеческому фактору в языке. В частности, можно говорить об антропоцентризме как основе функционирования языка, когда акт речевого общения может состояться только при условии учёта фактора человека – коммуниканта» [2, с. 12].

Проблема познания человека, его характерных особенностей, системы ценностей, традиций и верований всё больше выдвигается на первый план. Возникают новые научные дисциплины: социолингвистика, лингвострановедение, этнолингвистика и др. Исследователи своё внимание акцентируют на том, что язык антропоцентричен, и вся языковая категоризация объектов и явлений окружающей действительности ориентирована на человека.

Исходя из того, что антропоцентризм обусловил возникновение особого интереса исследователей к различным способам выражения личностного, субъективного отношения человека к окружающей действительности (важной составной частью которого является эмоциональный компонент) через призму человеческого мировосприятия и мироощущения, исследование междометий проводится с учётом «человеческого фактора», т. е. обращения к человеку не только как к личности говорящей и мыслящей, но и

чувствующей. Кроме того, антропологический характер современной лингвистики предполагает исследование языковых процессов, когда субъект речи и её реципиент включаются в описание языковых механизмов [11, с. 36].

Положение о том, что человек и естественный язык рассматриваются в их объективно существующей взаимосвязи: «человек вне языка не существует, язык вне человека существовать может только как исторический памятник» [6, с. 20], стали обобщением анализа языковой картины мира как многогранного специфического ментального феномена.

В связи с интересом ученых – лингвистов к исследованию вопроса о самосознании, самоопределении человека, его отношении к миру, к самому себе на первый план идея языковой специфики интерпретации внутреннего мира человека.

Внутренний мир охватывает сферу человеческих чувств, страстей, мыслей [8, с. 147], включая общую структуру личности, мнения, представления, желания, намерения, способности, чувства и ощущения [9, с. 7], то есть совокупность всех ментальных феноменов, недоступных восприятию. В данном случае изучение междометий представляет собой изучение внутреннего мира человека со всеми его желаниями, чувствами, мыслями и страстями.

Представление о том, что происходит внутри индивида, отражено в языке, т. к. язык является неотъемлемой частью его сознания [1]. Это дает основание обратиться к изучению так называемой семантики эгоцентрических категорий (интроспективная семантика): «мир семантически дискретных эмоций, желаний, волевых устремлений», в совокупности составляющих семиосферу внутреннего мира человека [7, с. 883].

Исследования ментальных образований, относящихся к области эмоций, приобретают актуальность в рамках современных когнитивных исследований семантики внутреннего мира индивида, так как «эмоции

и мышление имеют одни истоки и тесно переплетаются друг с другом» [4, с. 303 – 312].

Внимание современных ученых – когнитивистов к эмоциональным сущностям обусловлено этнолингвистической природой последних. «Нормы бытования социума» определяют их содержание, в них представлены знания о внутреннем мире самого человека [3, с. 36], что требует специального лингвистического изучения. В этой связи представляет лингвистический интерес исследование такой текстовой категории как персональность, а также роли междометий в реализации данной категории.

Являясь выражением «человека в языке», текстовая категория персональности представляет огромный интерес для современного исследования. Это объясняется потребностью углубления и конкретизации лингвистических представлений о принципах и закономерностях использования языка человеком [10].

Категория персональности, по мнению Е. Ю. Стратийчук, имеет статус сверх категории и проявляется в художественных русско- и англоязычных текстах авторского или личностного начала, что объясняется тем, что автор текста организует повествование на основе своей точки зрения на экстралингвистическую действительность. Текстовая категория персональности формирует текст, являясь т. о. и текстообразующей [10].

Средства выражения текстообразующей категории персональности обладают значительным прагматическим потенциалом, что обусловлено языковыми средствами и особенностями речевой реализации данных средств.

Существенными характеристиками средств выражения текстообразующей категории персональности является их оценочность, образность и информативность.

План содержания функционально- семантической категории персональности органически взаимодействует с авторской модальностью, формирующей как антропоцентричность художественного текста, так и его субъектоцентричность, которая реализуется с помощью определённых речевых тактик и приёмов, позволяющих выразить динамику образа персонажа [10].

Исследования категории персональности ведётся преимущественно через посредство текстов как репрезентантов стилей. Существует множество определений текста, исходящих из разнообразия не только в трактовке самого понятия «текст» и его природы, но и в методике изучения. Наибольшую ценность для рассмотрения категории персональности представляют лингвистические определения. Рассмотрев разные определения, мы пришли к выводу, что текст – это единица особого уровня языка и речи (устной и письменной), имеющая свои собственные составляющие – сложные синтаксические целые или сверхфразовые единства.

Сложные синтаксические целые определяются лингвистами как сочетание нескольких предложений, тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически, представляющие собою, по сравнению с отдельным предложением, более полное развитие мысли. Оно обладает смысловой целостностью и внутренней связностью элементов (предложений) и уже само представляет собой микротекст.

Понятие «текстовая категория» вошло в лингвистическую науку в середине 70-х гг., однако до сих пор оно чётко не определено. Категория – это понятие, в котором отражены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов и явлений объективного мира; это отражение двустороннего характера текста, единство формы и содержания, которое может структурироваться. В целом можно сказать, что текстовая категория – это признак, который свойственен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст [10].

Е. Ю. Стратийчук утверждает, что категория персональности занимает главенствующее место в иерархии текстовых категорий и является отправной точкой для таких категорий текста как модальность, темпоральность, последовательность и другие [10].

Она является ведущей текстообразующей категорией. Это обусловлено тем, что текст целиком выстраивается и организуется автором, подчиняясь его замыслу.

Далее автор говорит о необходимости различать понятия текстовой категории и текстообразующей. Если текстовая категория – это категория, которая проявляется на уровне текста, то текстообразующая категория – это категория, участвующая в построении текста. Текстовая категория необязательно и не всегда выполняет текстообразующую функцию, тогда как текстообразующая категория всегда является одновременно и текстовой. Все текстовые категории можно разделить на текстообразующие и нетекстообразующие. К первым относится персональность, темпоральность, локальность, связность, модальность и др., ко вторым – вежливость, количественность – качественность, причинно – следственность и др. Таким образом, категория персональности рассматривается нами не только как текстовая, но и текстообразующая.

Текстообразующая категория персональности рассматривается как категория «образа автора». Образ автора – это организующая сила произведения, объединяющая в единое целое его отдельные части, пронизывающая его единым мировоззрением. Образ автора представляет собой определённое отвлечение от биографической реальности, всегда несколько идеализированное [10].

Модальность в нашем исследовании рассматривается в качестве составного понятия текстообразующей категории персональности. Модальность – понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению). В данном исследовании нас интересует субъективная модальность – отношение говорящего к тому, что он выражает. Это формирует в своей основе текстовую категорию персональности, формирует текст.

Также интерес для изучения представляет авторская модальность, которую мы рассматриваем как воплощение авторской интенции. Категория авторской модальности реализует коммуникативные интенции автора в категории текстовой модальности. То есть, авторская модальность определяет систему отношений между модальными планами, которые реализуют текстовую модальность. Междометия, на наш взгляд,

представляют собой один из способов выражения авторской модальности. В центре внимания оказывается личность автора, психологический и когнитивный аспекты анализа которой являются не менее важными, чем лингвистический, поскольку созданный автором текст и в частности, употребление в нем междометий, отражает его индивидуальные психические и когнитивные особенности. Художественное пространство представляет собой «модель мира данного автора» и является континуумом, в котором размещаются персонажи и совершается действие [5, с. 418].

Далее необходимо отметить тот факт, что доминирующий принцип лингвистического анализа – антропоцентрический – дополняется в настоящее время новым подходом – субъектоцентрическим, когда в центр лингвистической дескрипции ставится не абстрактная языковая личность, а конкретный субъект конкретной коммуникации, текста, дискурса [10].

Под субъектоцентризмом мы будем понимать предложенное определение Е. Ю. Стратийчук, т. е., «факт абсолютизации субъектом художественного произведения своей собственной духовной, мыслительной позиции» [10]. Субъектоцентризм является одним из важнейших условий личностного понимания художественного текста. Он организует всю образную систему текста и воплощает общее художественно – стилистическое значение произведения, определяет использованные в нем авторские тактики. Таким образом, субъектоцентризм является определяющим аспектом художественного текста и выступает в качестве речевого условия репрезентации категории персональности в тексте. В какой бы форме не выражалась авторская позиция в художественном тексте, стоящий «за» текстом автор – творец является «всезнающим» относительно созданного им художественного мира и обладающим даром непрямого говорения [10].

Субъективации повествования в тексте способствует эмоционально-экспрессивная лексика. Основной функцией эмоциональности является чувственная оценка объектов внеязыковой действительности, а экспрессивность – это целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности, его эстетической характеристики. Экспрессивность – это категория, ориентированная на адресата, т. е. имеющая прагматическое значение [10].

На наш взгляд, эмоционально-экспрессивная лексика, к которой мы относим междометия, помогает автору точно и глубоко описать людей, подчеркивая позицию собственно автора текста к представленным персонажам. Тем самым становится очевидным, высказывает ли писатель одобрение или осуждение, касающегося их поведения.

В соответствии со степенью авторского присутствия можно говорить о разной степени субъективации повествования. По мнению Е. Ю. Стратийчук, нейтрализация субъективного авторского присутствия может служить раскрытию художественного замысла не хуже, чем его явное присутствие [10]. Закономерности употребления «я-субъекта» диктуются условиями лингвистического и экстралингвистического планов. Воля, чувства, разум говорящего лежат в ос-

нове его когнитивных, проецируемых на язык, то есть отражающих все те невидимые миру виртуальные психические процессы, которые наиболее объективно в высказывании, говоря о себе, может отразить только субъект, то есть говорящий [10].

В исследуемых нами английских художественных произведениях (D. Galsworthy «The Man of Property», R. Kipling «Just So Stories», O. Wilde «The Importance of Being Earnest») авторы для особой выразительности используют междометия с яркой положительной или отрицательной эмоциональной окраской, которые косвенно выражают положительное или отрицательное отношение писателя к герою, давая ему возможность говорить о том, что, по его мнению, плохо или хорошо не прямо, а завуалировано. Этим избегается прямое «навязывание» своей точки зрения читателю. Воспринимаемая события, представленные в таком свете, читатель сам приходит к тому же выводу. Например, в романе «The Man of Property» мы можем наблюдать, благодаря употреблению междометия «oh», негативное отношение автора ко всем Форсайтам: *To Forsytes that final renunciation of property is hard. Oh! It is hard!* [13, p. 306].

Анализ употребления междометий в данных произведениях позволяет говорить об индивидуальных чертах языковой личности автора, которые находят отражение в концептуализации и образе мыслей писателя и выражаются в стиле его письма и выборе языковых средств для характеристики персонажей.

Междометия являются одним из грамматических средств выражения категории персональности в художественном тексте. Они способны выражать модальные значения, передавать то или иное отношение к действительности, эмоционально-этикетную сторону речи, выражающую чувства, отношения и переживания людей. Междометия являются сигналами появления в авторском описании суждений, присущих самому персонажу. При этом они выражают эмоции различного характера в зависимости от тональности повествования. Так, самая распространенная эмоция в речи героев, исследуемых нами произведений, это удивление. Эта эмоция представлена такими междометиями, как *oh! ah! eh? gracious! good heavens! why on earth! oh bother! my winkie! O Bonanas!* В соответствии с намерениями автора одно и то же междометие может выражать разные оттеночные значения. Например; «*Ah! said the Cat listening*», «*We won't have beavers or hills this time, eh?*...» [14, p. 35]. «*Ah!*» said Bosinney sarcastically. «*Your wife! She doesn't like the cold?*» [13, p. 112]. В первом случае междометие «*Ah!*» выражает догадку, предположение, а во втором – сарказм, насмешку.

Таким образом, антропоцентрический подход к изучению междометий и их роль в реализации категории персональности очень важны для исследования такого класса слов как междометия. Язык пронизан субъективностью, поэтому субъективный, человеческий фактор все больше и больше перемещается в центр современных лингвистических исследований. Междометия и категория персональности, в данном случае, отражают суть антропоцентрической лингвистики как изучение «человека в языке».

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Ахметжанова, З. К. Об антропоцентрической направленности языков / З. К. Ахметжанова // Принцип антропоцентризма в современной лингвистике. – Алматы, 1997.
3. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. – 104 с.
4. Додонов, Б. И. Эмоции в системе ценностей / Б. И. Додонов // Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2004. – (Хрестоматия по психологии).
5. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2004. – 704 с.
6. Малинович, Ю. М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука / Ю. М. Малинович, М. В. Малинович // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – М.; Иркутск: Институт языкознания РАН: ИГЛУ, 2003.
7. Малинович, Ю. М. Семиосфера внутреннего мира человека: проблема семантики эгоцентрических категорий / Ю. М. Малинович // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (29 – 31 августа 2006 г.). – Кемерово: КемГУ, 2006. – (Концептуальные исследования; вып. 8).
8. Николаев, Н. И. К уточнению понятий «внутренний человек» и «внутренний мир человека» / Н. И. Николаев // Res philological: ученые записки; ред. Э. Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002.
9. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации: монография / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с. – (Концептуальные исследования; вып. 3.).
10. Стратийчук, Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Стратийчук. – Ростов н/Д., 2006. – 23 с.
11. Телия, В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука – 1991.
12. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
13. Galsworthy, J. The Forsyte Saga. The Man of Property / J. Galsworthy. – М.: Progress, 1997. – 383 p.
14. Kipling, R. Just So Stories / R. Kipling. – М.: Progress, 1992. – 254 p.
15. Wild, O. Selections / O. Wild. – М.: Progress, 1979. – 444 p.

Информация об авторе:

Мещерякова Екатерина Александровна – аспирант кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-903-985-11-58, ekaterina-mesheryakova@mail.ru.

Ekaterina A. Meshcheryakova – post-graduate student at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.